



МАРИЯМ МУНБАЙ

Яд - это всего лишь вопрос дозировки. Как и цвет.

ОДЕРЖИМОСТЬ ПРОДУКТОМ

Красота требует жертв.
Буквально.

Мариям Мунбай

МАРКЕТИНГ НА КРОВИ: Одержимость продуктом

<https://litres.ru/74183322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эксцентричный дизайнер Джулиан Веин найден мертвым в своей мастерской. Он задохнулся ядовитыми парами при окрашивании ткани вручную. Полиция готова списать всё на несчастный случай, но детектив Майя Сантоз уверена: это убийство.

На помощь следствию приходит Беатрис ван Дорн — проницательный маркетолог-эксперт. Обладая умом в духе героинь «Элсбет» и «High Potential», она подмечает детали, скрытые от других. Пока Майя ищет улики, Беатрис вычисляет мотивы сотрудников.

Для Беатрис трагедия становится вызовом. С истинным изяществом маркетолога она решает использовать смерть создателя для элегантного ребрендинга бизнеса.

Это стильный детектив в духе сериалов «Касл» и «Гарри Уайлд». История о том, как опасно нарушать протоколы ради искусства, и о том, что в мире, где правит безупречность,

самым избыточным и опасным элементом часто оказывается сам человек. Ведь здесь красота требует жертв. Буквально.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3.	20
Глава 4.	24
Глава 5.	28
Глава	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мариям Мунбай

МАРКЕТИНГ НА КРОВИ:

Одержимость продуктом

Глава 1

Гринвошинг (от англ. *greenwashing*, «зеленый камуфляж») — это маркетинговый трюк, при котором компания создает ложное впечатление о том, что ее продукция, услуги или деятельность являются экологичными, безопасными для природы или этичными, хотя реальных оснований для этого нет.

wikipedia

Эзра Уокер знал график Джулиана Вейна лучше, чем расписание работы лифтов в здании. Дизайнер был предсказуем в своей одержимости: натуральные пигменты, «естественная диффузия», отсутствие искусственной вентиляции, чтобы «ткань дышала». Эзра часто находил это глупостью, но за двадцать лет работы в Хадсон-Ярдс он привык, что клиенты — люди с причудами. Вейн же был просто шумным и неаккуратным.

Около десяти вечера Эзра, как обычно, обходил мастерскую, чтобы проверить замки. Вейн всё ещё был там.

— Джулиан, согласно протоколу здания, мне нужно провести инспекцию вытяжной системы в красильной комнате. Это ежемесячная проверка пожарной безопасности, — Эзра стоял в дверях, невозмутимый в своем безупречном комбинезоне.

Джулиан, не отрываясь от работы над шелком, раздраженно взмахнул кистью:

— Эзра, вы же знаете, что я сейчас использую метод естественной диффузии. Любое вмешательство, любой лишний поток воздуха — и всё пойдет насмарку. Зайдите через неделю.

— У меня нет недели, — голос Эзры остался таким же ровным, но в нем прорезалась сталь, к которой Джулиан был не готов. — Если я не подпишу акт осмотра сегодня, я буду обязан направить отчет пожарным и в совет дома. Боюсь, с учетом вашего последнего «инцидента» с лекалами, они очень заинтересуются целесообразностью продления вашей аренды.

У Джулиана зазвонил телефон. Он знал, что этот молчаливый инженер — единственный, кто реально контролирует доступ к его «святилищу».

— Черт с вами, — бросил дизайнер, снимая перчатки и включая телефон. — Проверяйте свои фильтры, но не вздумайте включать вытяжку — мне нельзя пересушить ткань. Алло

Когда Джулиан вышел, чтобы ответить на звонок в основ-

ной зал, Эзра вошел в красильную. Здесь пахло сырыми травами и глиной. На рабочем столе стояли большие открытые чаны с подготовленными растворами — основа для коллекции.

Эзра достал из бокового кармана комбинезона небольшой флакон. Это был концентрированный синтетический акрилат, который он купил через подставное лицо в промышленном секторе. Он знал: Вейн никогда не использует стороннюю химию, считая её «смертью для эко-бренда». Достаточно было влить всего пятьдесят миллилитров в чан с самым ходовым красителем.

Жидкость растворилась мгновенно, не изменив ни цвета, ни консистенции.

Эзра закрыл флакон, убрал его в карман и вышел так же спокойно, как зашел.

— Я всё проверил, Джулиан. Можете продолжать работать. До завтра.

Эзра не трогал никакие датчики — Джулиан сам отключил их еще неделю назад, жалуясь, что они «пищат от каждого пара». Он не блокировал вытяжку — Джулиан почти никогда не включал её на полную мощность, боясь пересушить ткань.

Джулиан вернулся, допил вино и закрыл дверь в красильную не до конца, как делал всегда.

Эзра поднялся на свой этаж, закончил обход и ушел домой. Всю ночь здание жило своей жизнью: гудели трубы, ми-

гали огни в коридорах, а в мастерской Вейна, в закрытом помещении, пары начали заполнять пространство. Джулиан всю ночь провел там, склонившись над тканью, вдыхая гремучую смесь из натуральных масел и того, что подлил Эзра.

Ядовитые испарения действовали постепенно. Сначала легкое головокружение, которое Джулиан списал на вино и усталость. Потом — тошнота и слабость. Он не ушел, потому что был одержим работой. Он просто сел на пол, опершись спиной о стеллаж, и закрыл глаза, надеясь прийти в себя.

Утро началось как обычно. Эзра прибыл на смену в 7:30. Он прошел через холл, поздоровался с охраной и зашел в раздевалку.

Марко, личный ассистент Джулиана, вошел в мастерскую с привычным легким раздражением: дизайнер снова проигнорировал все напоминания о готовящемся дефиле и наверняка проспал прямо на рабочем месте, укрывшись отрезом шелка. В воздухе стоял тяжелый, приторный дух — смесь натуральных пигментов и чего-то еще, такого, химического и необычного.

— Джулиан, вставай, у нас конференц-колл через десять минут, — бросил он, даже не глядя в сторону красильной комнаты.

Ответа не последовало. Марко толкнул приоткрытую дверь, готовясь увидеть своего босса в полудреме, с бокалом вина в руке, но вместо этого замер на пороге. Джулиан лежал на полу, окруженный рулонами неокрашенного шелка.

Бутылка вина была пуста. На лице дизайнера застыло выражение глубокой усталости, перешедшей в покой.

Марко сделал шаг вперед, до последнего не веря в то, что он видит.

— Джулиан? — Марко дотронулся до его руки. Она была холодная как лёд. В наступившей тишине первым звуком, который он издал, был не крик, а судорожный, короткий вздох, когда он осознал: конференц-колл не будет, как и, возможно, показа новой коллекции. — Черт, Джулиан

Синие огни спецмашин прорезали утренний сумрак Хадсон-Ярдс, окрашивая фасад здания в тревожные тона. Возле входа уже толпилась пара репортеров, вынюхивающих сенсацию, но Майя Сантоз, привычным жестом оттеснив зевак, сфокусировалась на задаче. Тайлер Вэнс, поправляя значок на лацкане пиджака, следовал за ней, выглядя неестественно собранным для такого раннего часа. Внутри, в мастерской Джулиана Вейна, царила тягостная смесь запаха дорогих трав и дешевой, въедливой химии. Медики уже закончили первичный осмотр, констатировав смерть от удушья, и теперь упаковывали оборудование, бросая короткие фразы о «типичной халатности».

Майя остановилась у порога красильной комнаты. Цепким взглядом она рассматривала всё внутри, ища улики. Комната выглядела очень творчески: кое-где стены были испачканы краской, вокруг висели образцы выкрасок, а на вешалках сохли отрезки тканей необычных оттенков, создавая

атмосферу «алхимии моды». Ничего необычного для такого места.

В общей комнате, сгорбившись на стуле, Марко в десятый раз дрожащим голосом пересказывал, как в 7:45 утра нашел своего босса на полу — бездыханным, среди рулонов шелка, которые он так берег. Тайлер тем временем записывал показания Эзры Уолкера, который стоял в коридоре, сохраняя невозмутимое спокойствие.

Инженер, заложив руки в карманы комбинезона, терпеливо объяснял детективам теорию о «критическом скоплении газов»: мол, Вейн был помешан на экологии, постоянно отключал датчики и пренебрегал принудительной вытяжкой ради чистоты эксперимента. Эзра говорил уверенно, профессионально оперируя техническими терминами, и в его словах не было ни тени сомнения. Он рассказал, что буквально накануне проверил вытяжку, всё было в исправном состоянии. Джулиан задохнулся потому-что пренебрегал техникой безопасности.

Это был просто несчастный случай. Кто же знал, что натуральные ингредиенты в такой концентрации могут привести к такому финалу?

Глава 2

Нью-Йорк в тот день напоминал идеально отлаженный механизм, в который попала песчинка: небо над Хадсон-Ярдс было пронзительно-стальным, а ветер, гуляющий между зеркальными небоскребами, казался особенно колючим. В модных кафе Сохо и вдоль подиумов в Брайант-парке смерть Джулиана Вейна обсуждали не как человеческую трагедию, а как досадное нарушение рыночного ритма. Для «общественности» Вейн перестал быть человеком в тот момент, когда перестал генерировать контент и коллекции; теперь он был лишь «кризисным кейсом». Инсайдеры индустрии, в своих безупречных брендовых пальто, перешептывались о том, кто займет его место, и как падение акций *Aethelgard* отразится на их личных инвестициях.

В этих разговорах не было сострадания — только холодный, почти медицинский интерес к тому, как именно бренд попытается «отмыть» свою репутацию от пятен промышленной химии. Город продолжал перемалывать эту новость, превращая гибель дизайнера в очередную порцию светской аналитики, пока где-то внизу, в недрах здания, равнодушные системы вентиляции продолжали свою монотонную работу, словно стирая последние следы того, кто посмел быть слишком живым и слишком шумным.

Беатрис ван Дорн не читала новости — она сканирова-

ла их. В семь утра её лента в LinkedIn и Twitter взорвалась некрологами: Джулиан Вейн, «пророк этичной моды», найден мертвым в своей мастерской в Хадсон-Ярдс.

Би отставила чашку с черным кофе, даже не успев сделать глоток. Она не испытывала скорби — только профессиональное раздражение. Уход Вейна был крайне неэстетичным, а главное — несвоевременным.

Телефон завибрировал через сорок секунд. Себастьян Элдер, креативный директор «Aethelgard», звонил с городского номера, что уже означало панику.

— Би, это катастрофа, — его голос срывался на фальцет, нарушая привычный для него тон пресыщенного эстета. — Ты видела? Они уже пишут про отравление. В социальных сетях всю обсуждают «токсичность эко-бренда». Акции просели на четыре процента за полчаса! Если этот заголовок закрепится, мы не просто сорвем показ — мы похороним компанию.

— Спокойствие, Себастьян, — голос Беатрис звучал как прохладная сталь. — Смерть дизайнера — это личная трагедия. Смерть эко-бренда — это провал менеджмента. Я выезжаю в семнадцатый участок. Мне нужно знать, что именно попало в протоколы, чтобы мы могли выстроить правильную коммуникацию до того, как репортеры окончательно превратят это в фарс.

Через час Би уже стояла в коридоре участка. Она напоминала архитектурный набросок, воплощенный в живом че-

ловеке: дородная фигура, облаченная в безупречный кашемировый оверсайз-кокон, и копна тяжелых некрашенных рыжих волос, стянутых в тугой, нарочито небрежный пучок. На её полном, абсолютно лишенном косметики лице всегда читалось холодное спокойствие аналитика, для которого весь мир был лишь набором неэффективных бизнес-процессов, ожидающих немедленной корректировки.

— Беатрис? Не ожидал увидеть вас здесь так рано, — Тайлер Вэнс расплылся в искренней улыбке. — Как жизнь? Выглядите как всегда... собранно.

Тайлер быстро порывлся в телефоне и, не дожидаясь приглашения, ткнул экраном в сторону Беатрис:

— Смотрите! Моя дочка, родилась на прошлой неделе.

Би бросила на экран короткий, почти механический взгляд, словно оценивая качество разрешения фотографии, и тут же перевела глаза на Майю. Лицо Беатрис оставалось абсолютно неподвижным, никакой мягкости или ответной улыбки, лишь легкое сужение глаз.

— Поздравляю, Тайлер, — сухо произнесла она, полностью игнорируя ребенка. — Майя, перейдем к делу. Что у вас есть?

Майя жестом пригласила Би присесть, но та предпочла остаться стоять, опираясь на край стола.

— Криминалисты еще копаются, — ответила Майя, перебирая бумаги. — Лаборатория ответит через пару дней, пока версия несчастный случай из-за не соблюдения техники

безопасности.

— Вы были лично знакомы с Вейном? — спросил Тайлер, убирая телефон обратно в карман. — Вы вроде крутитесь в тех же модных кругах.

— Я представляю интересы бренда. Мы хотим избежать домыслов, которые вредят общественному порядку и стоимости бизнеса, — уточнила Би. — Джулиан Вейн был для меня проектом, а не приятелем. Сейчас моя задача — сделать так, чтобы смерть одного дизайнера не потянула за собой на дно весь бренд.

— Хорошо, — Майя закрыла папку. — Будут новости — я наберу. Но не ждите чудес, пока всё указывает на обычную халатность.

— Хорошо, — ответила Беатрис, уже направляясь к выходу. — Звоните. И, Тайлер, я не люблю детей. Но, это не повод быть такой невежливой. Как зовут вашу дочь?

— Оливия, — с умилением ответил Вэнс, довольный таким вниманием со стороны Би.

— Красивое имя, — холодно подчеркнула Би и направилась к выходу.

Беатрис посмотрела на Себастьяна, чьи руки заметно дрожали, когда он пытался налить себе воды. Она не стала тратить время на успокоение — в её мире эмоции были лишь помехой для принятия стратегических решений.

— Себастьян, прекратите изображать жертву, — её голос

прозвучал ровно, как звук работающего метронома. — Ваше молчание сейчас кричит громче, чем любые заголовки в таблоидах. Если мы не заполним информационный вакуум своим нарративом, его заполнят слухи о «токсичности». Люди простят бренду трагедию, но никогда не простят ему попытку скрыть правду. Нам нужно заявление, которое покажет: мы не бежим от вопроса, мы требуем ответа.

Она подвинула к нему свой планшет с уже набросанным текстом.

Официальное заявление бренда Aethelgard

«Сегодня для всей команды Aethelgard наступил самый черный день в нашей истории. Мы потрясены известием о безвременной кончине нашего основателя, творческого лидера и дорогого друга, Джулиана Вейна.

Джулиан был не просто дизайнером, он был душой нашего бренда и человеком, посвятившим свою жизнь поиску гармонии между модой и природой. Его уход — невосполнимая утрата для индустрии и для каждого из нас.

На данный момент мы находимся в тесном контакте с правоохранительными органами и оказываем полное содействие следствию, чтобы прояснить обстоятельства этого трагического инцидента. Мы разделяем шок и недоумение общественности и так же, как и вы, требуем максимально прозрачного и всестороннего расследования. Внутренние протоколы безопасности Aethelgard всегда были предметом нашей гордости, и установление истины — наш главный при-

оритет.

Мы просим с уважением отнестись к частной жизни семьи Джулиана в этот тяжелый период. О любых дальнейших изменениях в графике работы бренда или статусе предстоящих мероприятий мы сообщим дополнительно.

Команда Aethelgard скорбит вместе с вами».

— Отправляйте, — сказала Би, не отрывая взгляда от окна. — И никакой коррекции текста. Тон выверен идеально: здесь достаточно скорби, чтобы сгладить агрессивность прессы, и достаточно жесткости, чтобы выглядеть как уверенный в себе бренд, которому нечего скрывать. Теперь переходим к следующему шагу: нужно показать вашу прозрачность и честность, мы публично проведем аудит всех процессов окрашивания. Как только полиция снимет ограничения нужно открыть мастерскую для прессы, позвать экспертов и лидеров мнения. Пусть видят, что все протоколы соблюдались и смерть Джулиана не более чем стечение обстоятельств. Лучше всего, если сделаем акцент на его здоровье, что он не берег себя во время работы и это, а не химия, привело к трагедии.

Себастьян внимательно слушал, пока направлял пресс-секретарю заявление подготовленное Би. Он успокоился, когда она предоставила четкий план действий. Они оба были совершенно уверены в красителях Джулиана.

— Я займусь поиском независимой эколаборатории, — продолжала Би. — От вас требуется не паниковать и отве-

чать на все запросы СМИ. Официальная версия - несчастный случай. Не придумывайте больше ничего.

— Что делать с показом? — взял себя в руки Себастьян.
— Коллекция почти готова. Джулиан работал над последним образом.

— Обязательно провести, причем под названием «Памятное наследие» или что-то подобное и направьте часть прибыли на благотворительность. Нужно превратить трагедию в мощную историю: «Он отдал жизнь за идеалы чистоты. Мы продолжим его дело ещё строже». И всё в таком духе. Внимание СМИ и выручка гарантирована.

В то время как официальные лица Aethelgard пытались удержать репутацию бренда на плаву, улицы Нью-Йорка закипали. Новость о том, что «пророк эко-моды» Джулиан Вейн погиб от отравления промышленными красителями, стала для активистов подарком, который они не могли не использовать.

Уже к полудню перед входом в штаб-квартиру бренда и площадкой предстоящего показа выстроилась цепь протестующих. Они не просто стояли с плакатами — они превратили смерть Вейна в обвинительный акт всей индустрии. На самодельных баннерах красовались надписи: *«Эко-бренд или эко-ложь?»*, *«Ваша одежда стоит человеческих жизней»* и *«Вы убиваете планету и тех, кто ее спасает»*.

Активисты из радикальных групп, привыкшие к акциям в стиле *Extinction Rebellion*, начали транслировать в соцсети

видеоролики, где они «разоблачают» состав тканей из прошлых коллекций Вейна, называя их «нефтяным продуктом в подарочной упаковке». Обвинения в *«зеленом камуфляже»* (гринвошинге) разлетались по сети со скоростью света: они утверждали, что Джулиан Вейн десятилетиями продавал покупателям иллюзию чистоты, скрывая за фасадом из органического льна использование самой дешевой и грязной химии. Для них смерть дизайнера была не трагедией, а «ироничным финишем» его лживой бизнес-модели.

Внутри площадки, где готовился показ, атмосфера была пропитана нервозностью, граничащей с истерией. «Показ должен состояться — это будет дань памяти Джулиану», — гласила официальная версия.

За кулисами царил хаос: стилисты в черном, словно тени, лихорадочно дорабатывали последние образы. В воздухе висел запах лака для волос и страха. Никто не обсуждал смерть Джулиана вслух — это стало своего рода табу, скрытым под слоем дорогого профессионализма.

Сотрудники бренда работали как роботы, стараясь создать картинку абсолютного спокойствия и «высшего кутюрного качества» в то время, как снаружи в стекла здания летели яйца, а мегафоны скандировали требования о полной прозрачности производства. Бренд превратился в осажденную крепость, где каждый — от ассистента до модели — понимал: завтрашнее утро может либо возвести их в статус мучеников моды, либо навсегда стереть Aethelgard с карты

Нью-Йорка.

Глава 3.

Отчет из городской лаборатории пришел через двое суток, упакованный в стандартный, лишенный всякого изыска конверт. Майя Сантоз, просматривая результаты за своим захламленным столом, нахмурилась: заключение судмедэксперта было сухим, как судебная повестка. Причина смерти: острая интоксикация в результате вдыхания паров РНІ-17 — искусственно усиленного акрилата.

— Тайлер, смотри, — Майя пододвинула монитор. — РНІ-17. Это компонент для промышленных полимеров, какой-то стабилизатор адгезии. Сами по себе пары в малых дозах безвредны, но в закрытом помещении, без работающей вытяжки, концентрация за ночь достигла критической отметки.

Тайлер Вэнс, сгорбившись, взгляделся в экран.

— И что, он сам его использовал? В списке изъятых химикатов из мастерской его нет. Мы проверили каждый пузырек, каждый чан — только натуральные пигменты и растительные фиксаторы.

— Криминалисты пишут, — Майя продолжила читать отчет из лаборатории. — В одном из чанов с красителем эксперты нашли ничтожную долю этого вещества. Сами по себе эти крохи не убили бы человека, но в сочетании с тем, что Джулиан всю ночь сидел в закрытой комнате с отключенной

вентиляцией... привело к накоплению паров до критического уровня. Несчастный случай из-за грубого нарушения техники безопасности. Нужно проверить, как использовал его Джулиан и на сколько это «эко»?

Они сделали официальный запрос в Aethelgard с требованием предоставить технологические карты окрашивания. Ответ от креативного директора Себастьяна пришел через час: компания была в недоумении. Они никогда не использовали РН-17 и даже не слышали об этом названии. Секретные формулы Джулиана были его личной собственностью, и никто в компании не имел к ним доступа.

В то же самое время Беатрис ван Дорн сидела в своем кабинете, изучая копию того же запроса, которую Себастьян поспешно переслал ей, трясаясь за репутацию бренда.

Би не любила догадок. Она предпочитала данные. Она уже договорилась с независимой эколабораторией об углубленном анализе остатков в чанах Джулиана.

Она набрала номер главного технолога лаборатории.

— РН-17? — голос эксперта в трубке звучал озадаченно. — Беатрис, это промышленный адгезив. Его не добавляют в ткани — это не имеет ни технологического, ни экономического смысла. Даже если бы Джулиан его добавлял, зачем-то, то на окрашивание это никак не повлияло бы.

— То есть смысла его добавлять не было совсем никакого? — спросила Беатрис. — Ни экономического, ни творческого?

— Нет. Это совершенно чужеродный компонент.

Беатрис методично просматривала сводки состава промышленных адгезивов, пытаясь понять, каким образом соединение уровня РНИ-17 могло оказаться в крафтовой мастерской, чья философия строилась на абсолютной органике. Это было логическое несоответствие: элемент, не имеющий ни функциональной ценности, ни маркетингового обоснования в формулах Джулиана.

Она отправила Себастьяну короткое сообщение с требованием предоставить полный доступ к финансовым отчетам и реестру закупок за последние полгода. Затем она вызвала к себе Марко.

Ассистент выглядел как человек, чей организм давно перешел на автопилот: его глаза покраснели от недосыпа, а руки мелко дрожали, пока он в попытке понять вопрос переспрашивал: «Акрилат? Я даже не знаю, как это пишется». Тем не менее, Марко подтвердил очевидное: Джулиан был одержим «естественной диффузией» цвета, и требование включать вытяжку на полную мощность всегда вызывало у него приступ ярости. Он систематически игнорировал правила вентиляции, что, по словам ассистента, постоянно становилось камнем преткновения в его отношениях с управляющей компанией и техническим персоналом здания.

Беатрис закончила разговор, не дожидаясь, пока Марко допьет свой остывший кофе; ей нужно было увидеть архитектуру этого пространства своими глазами, прежде чем

планировать следующий шаг. Завтра уже было шоу, к тому времени, нужно было сделать хоть что-то, чтобы очистить репутацию бренда от метки «зеленого камуфляжа».

Глава 4.

Лобби здания в Хадсон-Ярдс встретило Беатрис стерильным блеском стекла и запахом дорогого клининга. Мастерская Джулиана на двенадцатом этаже была опечатана; ярко-желтая лента департамента полиции Нью-Йорка выглядела здесь как грубый, неуместный аксессуар, портящий выверенный интерьер.

Би не стала тратить время на пререкания с охраной. Она знала, что в любом сложном механизме есть человек, который владеет ключами не от дверей, а от самой логики пространства. Она нашла Эзру Уокера в техническом полуподвале, среди гудящих серверов и хитросплетений труб.

— Мистер Уокер, — Би кивнула, ее взгляд скользнул по его комбинезону, отмечая безупречную чистоту ткани. — Мы раньше не встречались. Беатрис ван Дорн. Я провожу внутренний аудит процессов для совета директоров Aethelgard.

Эзра отложил планшет, его лицо оставалось профессионально непроницаемым.

— Чем могу помочь?

— Мне нужно понять алгоритм контроля климата в красивой. Полиция говорит о скоплении газов, но меня интересует инженерная сторона: как система слежения за влажностью взаимодействует с вытяжкой?

Эзра ответил охотно, с той дотошностью, которая свойственна людям, знающим свою систему до последнего винтика. Он объяснил, что датчики влажности в мастерской Вейна были настроены на сверхчувствительный режим.

— Мистер Вейн требовал, чтобы воздух стоял. «Естественное впитывание», понимаете? — Эзра едва заметно пожал плечами. — Я лично проверял вытяжку в тот вечер, перед его работой. Механически она была исправна на сто процентов. Но если человек сам блокирует заслонки или выставляет нулевой цикл... система не может спасти его от самого себя. В тот последний вечер он выглядел как обычно: раздраженный, с бокалом вина, требовал, чтобы я «не дышал на его шелка». Я подписал акт осмотра и ушел.

Би слушала, фиксируя не слова, а интонации. Эзра говорил о здании с любовью, а о Джулиане — как о досадной помехе в работе безупречных механизмов.

Вернувшись в такси, Би открыла файл, присланный Себастьяном. Финансовая отчетность Джулиана за последние два года была образцом педантичности. Каждый цент был учтен: закупки органического индиго из Индии, поставки редких фиксаторов из коры деревьев, счета за премиальную упаковку.

Никаких закупок промышленного акрилата. Никаких «черных» транзакций или подозрительных поставщиков строительной химии. С точки зрения бухгалтерии, Джули-

ан Вейн был святым от экологии. Акрилат в его легких возник из ниоткуда, словно алхимический элемент, нарушающий все законы маркетинговой логики.

Вечер показа начался не с музыки, а с тишины. Зал, заполненный критиками, байерами и активистами, замер, когда на подиум вышел Себастьян. Он выглядел осунувшимся, но его голос, усиленный микрофонами, звучал уверенно — именно так, как его инструктировала Беатрис.

— Джулиан Вейн верил, что мода — это не одежда, а обязательство перед будущим, — начал Себастьян, глядя поверх голов прессы. — Его уход — трагедия, причину которой мы намерены выяснить до конца. Aethelgard не боится правды. Мы официально иницируем независимый аудит всех наших технологий окрашивания. Как только следствие будет закрыто, мастерская Джулиана будет открыта для экспертных комиссий и прессы. Нам нечего скрывать.

В зале пронесся шепот. Себастьян выдержал паузу и добавил:

— В память о Джулиане, пятнадцать процентов выручки от продажи этой коллекции будут направлены в Глобальный фонд по борьбе с промышленным загрязнением океанов. Мы продолжаем его путь. Чистота продукта — это чистота нашей совести.

Би, стоявшая в тени за кулисами, наблюдала за реакцией толпы через экран монитора. Она видела, как гнев активи-

стов сменяется замешательством, а затем — одобрительным гулом. Рынок успокаивался. Репутационный кризис был временно купирован мастерски вброшенным обещанием прозрачности.

Из-за общественного резонанса продажи обещали быть колоссальными. И хотя ей было жаль Джулиана, нужно признать, что при жизни он бы никогда не добился бы такого успеха, если бы не умер так скоропостижно.

Глава 5.

Нью-Йорк в это утро был похож на похмельного гостя после слишком шумной вечеринки: серый, гудящий и пропитанный запахом мокрого асфальта. Пока Хадсон-Ярдс медленно оживал под низким стальным небом, город уже всюду перемалывал итоги вчерашнего показа.

Модная общественность раскололась с хирургической точностью. Влиятельные критики из *The Cut* и *Vogue* захлебывались от восторга, называя коллекцию «трагическим триумфом» и «этичным реквиемом», который Джулиан Вейн оставил миру. Однако на задворках Твиттера и в закрытых чатах модных редакторов тон был иным. Скептики, не стесняясь в выражениях, шептались, что если бы не смерть дизайнера и не скандал с красителями, показ прошел бы незамеченным. «В коллекции нет моды, есть только драма и удачный тайминг», — гласил заголовок одного из анонимных блогов. Для них Вейн стал лишь инструментом маркетинга, а его вещи — декорациями к самой дорогой PR-кампании сезона.

В 17-м участке Майя Сантоз и Тайлер Вэнс рассматривали карту поставок промышленных полимеров. Расследование зашло в тупик, который Тайлер окрестил «проклятием доступности». Выяснилось, что акрилат PHI-17, хоть и был

специфическим компонентом, продавался десятками компаний по всему Восточному побережью. Его использовали в мебельных мастерских, автосервисах и даже при реставрации старых лофтов. Любой человек с кредитной картой и адресом доставки мог получить галлон этого вещества в течение суток.

Тем временем юристы Aethelgard заваливали участок требованиями. Себастьян настаивал на немедленном снятии полицейских лент. Ему нужно было запустить туда независимых экспертов и прессу, чтобы закрепить успех показа и окончательно снять обвинения в «грязном» производстве. Начальство Майи пока не давало зеленый свет, опасаясь упустить улику, но аргументов для удержания опечатанного помещения становилось всё меньше.

Беатрис ван Дорн сидела в своем кресле, медленно прокручивая ленту новостей. На её губах застыла едва заметная удовлетворенная полуулыбка. Ей было абсолютно плевать на споры о художественной ценности коллекции. Пустословие критиков — это лишь белый шум, который помогает скрыть главное.

Главным было то, что обвинения в зеленом камуфляже и токсичном окрашивании исчезли из повестки. Заголовки «Убийственная химия» сменились рассуждениями о «Наследии гения». С точки зрения Би, это была безупречная коррекция репутационного профиля. Она набрала но-

мер Майи.

— Детектив, как продвигается ваш поиск химического следа? — спросила Би вместо приветствия.

— Это тупик, Беатрис, — голос Майи звучал устало. — Если бы это был редкий яд из амазонских лесов, я бы уже знала, кто его заказал. А этот акрилат. Он везде и нигде. РН-17 можно купить в любом строительном магазине на окраине Джерси. Никакой регистрации, никакой эксклюзивности. Лаборатория говорит, что Джулиан вдохнул его столько, будто спал в обнимку с открытой банкой.

— Ожидаемо, — отозвалась Би, поправляя свой тугой пучок. — Со своей стороны я подтверждаю: по финансовым документам Джулиан не покупал ничего сложнее органического уксуса. Этот акрилат — инородное тело в его системе.

— Вы клоните к тому, что кто-то добавил его в чан без ведома Вейна? — Майя замолчала, и в трубке было слышно, как она что-то помечает в блокноте. — Значит, нам нужен полный список тех, кто заходил в мастерскую в тот день.

— Именно, — подтвердила Би. — Если закупки чисты, значит, товар принесли тайком.

— Я займусь этим списком до конца недели, — пообещала Майя. — И да, готовьте свою эколабораторию. Скорее всего, в понедельник мы откроем доступ для вашего аудита.

Беатрис положила трубку. Она чувствовала, как рынок во-круг Aethelgard становится чище.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.